

© 2023 г.

М.Х. ФАРУКШИН

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВ В ЭТНОФЕДЕРАЦИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ФАРУКШИН Мидхат Хабибович – доктор философских наук, профессор-консультант Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Российская Федерация (Midkhat.Farukshin@kpfu.ru).

Аннотация. При наличии общих функций язык в этнических федерациях имеет ряд отличительных особенностей. Их анализу на основе опыта многонациональных и биэтнических федераций посвящена данная статья. Она состоит из четырех частей. В первой показана роль языка как критерия формирования составных частей этнических федераций. Во второй рассмотрен территориально ограниченный характер действия официальных языков субъектов федерации и вытекающие отсюда социальные последствия. Третья часть посвящена анализу использования языка в качестве социального критерия формирования органов государственной власти и избрания (назначения) должностных лиц. В четвертой части речь идет о проблеме сочетания общенационального государственного языка федерации и официальных языков субъектов федерации и перспективах двуязычия. Наличие функциональных особенностей, общих для языков в этнических федерациях, не означает отсутствия языковой специфики в каждой из них. В свою очередь это не исключает целесообразность заимствования элементов положительного опыта иных стран, что объясняет актуальность сравнительных исследований разных этнических федераций, в том числе в сфере языка и языковой политики.

Ключевые слова: язык • официальный язык • государственный язык • родной язык • доминантный язык • язык этнических групп • этническая федерация • двуязычие • моноязычие • идентичность

DOI: 10.31857/S013216250025796-8

Проблема языка и языковой политики в многонациональных государствах исключительно актуальна. Она имеет прямое отношение к совокупности проблем жизни любой полиэтнической страны: интеграции общества, его стабильности, безопасности государства, межэтническим отношениям, образованию и национальной культуре. Сфера языка – потенциально конфликтогенное поле: «более половины гражданских войн, происшедших после 1945 года, повлекли за собой языковой конфликт» [Shair-Rosenfield et al., 2021: 81]. «Язык часто является критическим аспектом этнического конфликта, потому что он рассматривается в качестве ключевого элемента этнической культуры и идентичности» [Mowbray, 2006: 3]. И отечественные эксперты констатируют, что «за послесоветский период языковые проблемы не раз оказывались в центре ожесточенных дебатов и конфликтных ситуаций» [Тишков, Степанов, 2016: 4]. Учитывая совокупность указанных

Автор благодарен членам редколлегии журнала «Социологические исследования» за ценные замечания.

факторов, становится очевидной научная и практическая актуальность исследования функций языка и анализ языковой политики как разновидности государственной политики в целом. Трудно не согласиться с тем, что «языковая политика имеет первостепенное значение в многоязычных обществах, поскольку она регулирует отношения между языковыми группами, а также отношения этих групп с государством» [Medeiros et al., 2020: 534].

Тема «национальные языки и федерализм» долгое время оставалась в тени. Недооценка проблемы языка в исследованиях федерализма обедняла их, особенно когда речь шла об этнических федерациях. «Положения, касающиеся признания и учета языковых различий, могут быть особенно актуальны в федерациях, во многих из которых проживает весьма разнообразное население. Действительно, во многих случаях языковое разнообразие было одной из ключевых причин, по которой федерализм занимал центральное место в основаниях страны или был результатом ее конституционной эволюции» [Morris, 2016: 69]. Как считают некоторые эксперты, «признание языкового разнообразия является одним из важнейших элементов институционализации федерализма в многоязычных странах» [Phyak, Awasthi, 2022: 6].

Языковая ситуация своеобразна в каждой из этнических федераций. Однако при этом есть характеризующие их общие черты. Одной из них являются функциональные особенности языков, свойственные именно этническим федерациям. Этой проблеме посвящена настоящая статья, написанная в русле социологии языка (направление – социальные функции языка) с выходом в область этносоциологии и социологии политики.

Этнолингвистический принцип в организации федерации. Этнические федерации – специфическая разновидность федеративных государств, отличающихся существенными влияниями этнического фактора на государственное устройство. Этнические федерации созданы по территориально-этническому принципу. Их границы в основном совпадают с границами компактного проживания титульной этнической группы, то есть группы, давшей название региону – субъекту федерации, на территории которого региональная власть пользуется относительной политической автономией.

Поскольку инструментальная роль языков различается даже среди этнических федераций, важно учитывать их деление на две группы. Одну составляют многонациональные федерации, в которых несколько субъектов, построенных по территориально-этническому принципу. В таких федерациях существует доминантная по численности и реальной роли в обществе нация, язык которой является в стране общенациональным, государственным языком, например в Российской Федерации – русский, в Испании – кастильский. Исключение составляет Индия. В этой многонациональной федерации два общенациональных официальных языка – хинди и английский. «С момента обретения Индией независимости как хинди, так и английский играли роль официальных языков в законодательной, административной, экономической, профессиональной, культурной, образовательной и судебной сферах» [Sarangi, Sharma, 2022: 6].

По Конституции Федеративной Демократической Республики Непал официальным языком государства является «непальский язык, написанный шрифтом деванагари». Семь составных частей федерации – провинций – могут в соответствии со своим законодательством определить один или более языков нации, на которых говорит большинство людей в провинции, в качестве своего официального языка (языков), в дополнение к непальскому языку.

В Конституции Эфиопии нет термина официальные или государственные языки. В ней говорится о рабочих языках: «рабочим языком федерального правительства является амхарский язык». «Члены федерации уполномочены в законодательном порядке устанавливать собственные рабочие языки» (ст. 5). Решение объявить амхарский рабочим, но не официальным языком федерального правительства принималось с учетом общественных настроений. Оно, очевидно, было направлено на то, чтобы избежать представления, что один язык доминирует над другими [Fessha, 2022: 9]. Из 11 регионов (штатов) 6 избрали рабочими языки большинства своего населения, 4 сохранили в качестве рабочего амхарский язык, один штат объявил рабочими два языка.

Опыт названных и других многонациональных федераций свидетельствует о том, что в условиях языкового многообразия чрезвычайно важное значение приобретает наличие общенационального государственного языка, который выполняет функции универсального коммуникатора, обеспечивающего социальную интеграцию и единство общества.

Субъекты многонациональных федераций имеют свои официальные языки, которые могут использоваться в разных сферах жизни. В Индии официальными признаны 22 языка, включая официальные языки штатов. Это отличает Индию от Пакистана, где изначально навязывался официальный язык Урду всему населению, провинциям отказано в праве на признание провинциальных языков и использование их внутри своей территории [Adeneyi, Swenden, 2019: 469].

Другую группу составляют так называемые биэтнические федерации, в которых существуют две основные этнические группы, компактно проживающие на своих территориях – субъектах федерации и участвующие в реализации власти на паритетных началах. Языки этих двух групп являются официальными языками этнической федерации, по крайней мере, формально юридически, при отсутствии общегосударственного языка. Типичными примерами таких федераций являются Бельгия и Канада. Близко к биэтническим федерациям примыкает федеративное государство Босния и Герцеговина, где сербы, хорваты и босняки считаются государствообразующими народами. Их родные языки являются официальными языками этой федерации. В Швейцарии три официальных языка – немецкий, французский, итальянский, имеют равные права, наряду с ними федеральная конституция признает в качестве национального языка страны ретороманский язык. Последний используется в местностях, где численно преобладают его носители, и является с марта 1996 г. служебным в отношениях федерации с гражданами – носителями данного языка.

Хотя языки в этнических федерациях испытывают влияние по существу тех же факторов и процессов, что и языки в других федеративных и унитарных государствах, положение языков и языковая политика в этнических федерациях имеет особенности. Отметим наиболее отличительные из них.

Прежде всего, особой функцией языка в этнических федерациях является то, что он выступает фактором, определяющим деление федераций на составные части – по этнолингвистическому принципу. С учетом его устанавливаются границы территорий субъектов федерации. В одних случаях, как в России, субъекты федерации формировались на основе как сугубо территориального принципа (например, края, области, федеральные города), так и территориально-этнолингвистического принципа (республики, автономная область, автономные округа). Чаще субъекты этнических федераций создавались исключительно по этнолингвистическому принципу. Такова ситуация в Бельгии, Боснии и Герцеговине, Индии, Канаде, Нигерии, Швейцарии и Эфиопии.

Как отмечают эксперты, «вопрос о языке занимал центральное место в эволюции бельгийской федерации»; федерализм в Бельгии «частично возник из абсолютно законного требования сохранить культурную и языковую самобытность каждой из составных частей населения» [Van Drooghenbroeck, Popelier, 2022: 15].

С 1991 г. в Эфиопии провозглашено равенство всех языков и организация составных частей федерации (регионов или штатов) по этнолингвистическому принципу. «Федерация состоит из 11 штатов, которые в общем и целом разграничены по этнолингвистическим линиям» [Fessha, 2022: 9].

Большое значение определение границ новых штатов по лингвистическому принципу имело в Индии. «Реорганизация штатов главным образом на языковой основе вскоре после обретения независимости подчеркнула важность доминантных региональных языков для политического и административного общения между штатами и центральным правительством» [Sarangji, Sharma, 2022: 7]. В Индии принимался во внимание не только лингвистический, но и этнический фактор. «Процесс был сложным и кропотливым, но удалось создать субнациональные единицы, называемые “штатами”, в основном на основе языка; впоследствии были также приняты во внимание этнические факторы» [Bhattacharya, 2019: 3].

Территориальная ограниченность языков. Другая особенность языковой ситуации и языковой политики в многонациональных и биэтнических федерациях заключается в том, что для языков этнических групп, доминирующих в субъектах федераций, характерна *территориальная ограниченность* их функционирования. Конечно, это не означает, что эти языки вообще не применяются за пределами территории соответствующих субъектов федерации: они используются также в диаспорах.

В Российской Федерации государственные языки республик не только распространены на их территориях, но и используются в иных регионах, в которых имеются диаспоры титульных наций. Татарский язык преимущественно применяется в Республике Татарстан, но им пользуются татарские диаспоры в других российских регионах. В Государственной Программе развития образования и науки Республики Татарстан на 2014–2025 гг. сообщается, что на сегодняшний день в 27 субъектах Российской Федерации функционируют 1366 образовательных учреждений с (татарским) компонентом содержания образования. Но это не отменяет того факта, что территориально наиболее интенсивно этот язык используется именно в республике.

В биэтнических федерациях территориальная ограниченность распространения официальных языков составных частей федерации зависит от природы языковых отношений и может носить более строгий характер. В Бельгии французский язык используется главным образом на территории Валлонии, а действие нидерландского языка ограничено пределами Фландрии. В Конституции Бельгии содержится указание на то, что действие декретов (имеющих силу закона) Советов Французской и Фламандской коммун ограничено соответственно регионами французского и нидерландского языков и не касается служб, деятельность которых распространяется за пределы лингвистического региона, в котором они расположены, а также федеральных и международных институтов, учреждаемых законом, деятельность которых имеет общий характер более чем для одного сообщества.

Несколько иная ситуация в Канаде. Два официальных языка – английский и французский, хотя не имеют чисто локальный характер, тем не менее, их распространение ограничено в основном территориями провинций: французский язык широко используется в Квебеке, где он является официальным языком провинции, и в меньшей мере в Нью-Юнске, где он тоже является официальным наряду с английским. Последний является де-юре или де-факто единственным официальным языком в остальных провинциях, в которых французским пользуются меньшинства при условии достаточной численности в местах компактного проживания.

При отсутствии общегосударственного языка и при территориальной ограниченности языков субъектов этнических федераций создаются определенные социальные и психологические трудности для населения. Об этом свидетельствует опыт Швейцарии. Каждый кантон имеет свой (в некоторых случаях свои) официальный язык. Переезд швейцарца из кантона в кантон, официальные языки которых разные, по сути, предполагает смену языка либо переход к двуязычию. Пересечение этнолингвистических границ чревато проблемами с адаптацией к частично другому законодательству, иному языку образования, общению с региональными и муниципальными органами власти на новом языке, использованию телевидения и других средств массовой информации на официальном языке нового кантона. Переселение в другой кантон вынуждает ассимилироваться на базе другого языка, на базе иной культуры. Швейцария считается многонациональной страной, а население в каждом кантоне является преимущественно моноязычным, что существенно затрудняет коммуникацию между людьми, проживающими в разных кантонах. Моноязычие утвердилось в силу того, что «в пределах кантонов высокоразвитая муниципальная автономия гарантирует преобладание одного языка соответственно в качестве языка, используемого в школах, церквях и официальными властями» [Jahn, 2019: 245].

Политическое оправдание системы фиксированных лингвистических границ дал Швейцарский Конституционный трибунал. Рассматривая дело по жалобе одного бизнесмена, он пояснил: «Лингвистические границы нашей страны, однажды установленные,

должны рассматриваться как неизменяемые. Обеспечение гармоничных взаимоотношений между различными сегментами (этническими группами) нашей страны требует, чтобы каждому была гарантирована целостность территории, на которой говорят на его языке и на которую распространяется его культура, и чтобы каждому было дано право препятствовать любому вторжению» [Larousse, 1992: 128]. По мнению зарубежного эксперта, этнолингвистическая структура швейцарского общества является как объединяющей, так и разделяющей силой. Язык разделяет франкоговорящих и говорящих на немецком языке швейцарцев и в то же время усиливает внутригрупповую связь в пределах лингвистических общин, которые в других случаях разделены в зависимости от религии, класса и региона. «Другими словами, этнолингвистическое разделение становится социальной основой демаркации границ коллективной идентичности» [Erk, 2003: 53].

Некоторые эксперты высказывают тревогу по поводу угрозы национальному единству страны в связи с широким распространением английского языка, с так называемой англоизацией общественной жизни. Сложилось положение, что немецкоговорящей и франкоговорящей Швейцарии легче общаться между собой на английском, чем на немецком или французском языке. «Эта тенденция отдавать предпочтение английскому в качестве второго языка, несмотря на все усилия, прилагаемые швейцарским государством и системой образования для сохранения одного из других национальных языков в качестве второго языка, является следствием глубокой экономической, социальной и повседневной культурной интеграции Швейцарии с Европой и миром, которая в последние годы стала реальностью для Швейцарии» [Jahn, 2019: 263].

Строгое деление территории и населения страны по языковому принципу ограничивает свободу выбора языка для связи граждан с региональными и локальными органами власти, при обращении за государственными услугами, получении образования. В Швейцарии при общении с федеральными властями или получении услуг, предоставляемых федеральной администрацией, граждане могут использовать любой из национальных языков по своему выбору – независимо от места их проживания. Все федеральные законы, нормативные акты и сообщения доступны одновременно на немецком, французском и итальянском языках и имеют равный правовой статус. Однако свобода выбора языка заканчивается в кантонах, которые сами определяют официальный язык, используемый их органами власти, школами и общественными службами [Belser, Mazidi, 2022: 8].

Примерно о том же свидетельствует пример Каталонии. Хотя согласно статье 6 ее Статута любой человек имеет право использовать оба официальных языка – каталонский и испанский, а «граждане Каталонии имеют право и обязаны знать их», одновременно указывается, что «собственным языком Каталонии является каталонский. В данном качестве каталонский язык является языком обычного и предпочтительного использования в работе органов общественного управления и средств массовой информации Каталонии, он также является языком общения и обучения в образовательной системе».

В Эфиопии региональным образованиям (т.е. субъектам федерации) предоставлено право требовать знания местного языка (каким бы незначительным ни было число его носителей) в качестве предварительного условия для трудоустройства и выборной должности, а также требовать, чтобы все дети изучали этот язык в школе. С учетом этого права регионов делается вывод, что «национальная политика в большей степени соответствует модели "официального многоязычия", поскольку она допускает, но не гарантирует сохранение всех эфиопских языков» [Smith, 2008: 227]. Но, ставя трудоустройство и занятие выборной должности в зависимость от знания местного языка, региональное образование нарушает социальные права человека, в частности право на труд.

В Российской Федерации территориальная ограниченность языка проявляется в том, что государственные языки республик воспринимаются как официальные только в соответствующих республиках. Интересная, хотя и мало существенная, деталь: при играх клубов «Ак Барс» и «Салават Юлаев» в континентальной хоккейной лиге (КХЛ) в Казани или Уфе перед матчем исполняются государственные гимны Российской Федерации

и соответствующей республики (Татарстана или Башкортостана), а при играх тех же клубов в других российских регионах исполняется только гимн Российской Федерации. Правда, в данном случае имеются в виду больше символы национальной государственности, однако сам факт исполнения гимнов соответственно на татарском и башкирском языках имеет и этнолингвистический оттенок.

Что касается отношений с региональными органами государственной власти и муниципальной власти, получения оказываемых ими населению услуг, то знание государственных языков республик не обязательно. Достаточно владение русским языком.

Язык как критерий при формировании органов власти. Языковая принадлежность граждан является в одних этнических федерациях формальным, в других неформальным (по умолчанию) критерием, используемым в процессе формирования и деятельности органов государственной власти.

В Бельгии в сформированный по лингвистическому принципу Сенат входит 29 франкоязычных, 41 нидерландоязычный, 1 немецкоязычный сенатор. Палата представителей разделена на две группы депутатов, говорящих на нидерландском и французском языках. Законодательство в области лингвистической политики и некоторые конституционные законы требуют особого способа принятия их голосованием (для прохождения этих законов необходимо получить большинство в каждой из лингвистических групп и 2/3 голосов членов парламента).

В Конституции Бельгии закреплено положение, что за возможным исключением премьер-министра Совет министров состоит из равного количества министров, изъясняющихся на французском языке, и министров, изъясняющихся на нидерландском языке. Правительство должно получить большинство внутри обеих главных этнолингвистических групп в парламенте. Посты государственных чиновников на правах паритета делятся между фламандцами и валлонами на уровне центральных органов управления и органов управления Брюсселя.

Состав Конституционного суда также отражает паритет двух лингвистических групп. Закон об Арбитражном суде 1989 г. предусматривал, что из 12 судей, назначаемых королем, шесть судей ранее Арбитражного, теперь Конституционного суда, говорящих на французском языке, образуют группу французского языка, а шесть судей, говорящих на нидерландском языке, – группу нидерландского языка Суда.

Разделение населения страны по этнолингвистическому принципу привело к регионализации политических партий. Их представители в федеральном парламенте подотчетны только перед своей этнолингвистической группой. Избирательные округа совпадают с этнорегиональными границами; во франкоговорящей общине и общине, в которой говорят по-нидерландски, проводятся разные кампании. В избирательных округах Валлонии конкурируют между собой только партии, отражающие интересы франкофонов, а Фландрии конкурируют между собой только фламандские партии. Поэтому для тех и других партий нет смысла проводить кампании в другой общине.

Этнолингвистический принцип представительства в органах государственной власти используется в Боснии и Герцеговине. Во второй палате парламента – Палате народов (House of People) – 15 сенаторов, по 5 босняков, хорватов и сербов. Роль главы государства играет Президиум, состоящий из трех человек, представителей босняков, хорватов и сербов. Закон о Совете министров ввел паритетное представительство в этом органе босняков, хорватов и сербов с выделением одного поста для представителя другого народа.

В Канаде с 1867 г. существует правило репрезентативности в правительстве Канады представителей основных языковых групп – англоканадцев и франкоканадцев. И те и другие имеют представительство в судебной системе.

В Швейцарии по ст. 175 Конституции 1999 г. при формировании Союзного Совета (правительства) «следует учитывать соразмерное представительство местностей страны и языковых регионов», а в части 4 ст. 188 содержится положение: «При выборах судей Союзного Суда обоего пола Союзное Собрание принимает во внимание представительство

официальных языков». Согласно обычному праву Федеральный совет, правительство Швейцарии, состоящий из семи членов, должен, как правило, включать два представителя франкоязычных кантонов и одного представителя итальянского кантона. Остальные члены представляют немецкоговорящие кантоны. «Администрации смешанных языковых коммун и кантонов также заботятся о том, чтобы обеспечить либо пропорциональное распределение должностей между языковыми группами, либо даже чрезмерное представительство языков меньшинств» [Jahn, 2019: 269–270].

В Российской Федерации официально отсутствует зависимость представительства в органах государственной или муниципальной власти от этнической принадлежности и языка человека. Она признается в некоторых случаях в отношении малочисленных народов. Так, Дума Ханты-Мансийского автономного округа – Югры состоит из 35 депутатов, 3 из которых представляют в законодательном (представительном) органе государственной власти округа коренные малочисленные народы. Неформально этноязыковой принцип в кадровых вопросах все же учитывается иногда и в России. По Конституции РФ каждый субъект федерации посылает в Совет Федерации по два человека. Республика Татарстан традиционно делегирует в этот орган представителей двух основных в республике этнических групп – одного татарина и одного русского. При выдвижении на пост главы республики федеральный центр иногда учитывает, что кандидат должен быть представителем титульной в ней национальности, владеющим государственным языком республики, но не обязательно.

Вопрос, должен ли глава республики в составе Российской Федерации знать язык титульной нации региона, является дискуссионным. Конечно, знание и использование государственного языка республики ее главой важно в том плане, что своим примером он может влиять на отношение к этому языку со стороны должностных лиц государственного и муниципального аппаратов региона, проведение в республике политики по сохранению и развитию национального языка. Знание родного языка народа помогает руководителю лучше чувствовать и понимать духовные основы своей нации, позволяет ему общаться с носителями этого языка, особенно в сельских районах, где они составляют большинство населения. Ничего дискриминационного это положение не содержит. Никто не запрещает кандидату на должность главы республики изучить наряду с русским язык титульной нации республики, который провозглашается государственным языком региона.

Однако федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ не содержит требования о знании главой субъекта федерации каких-либо языков (ст. 20). Поэтому федеральная власть не ставит избрание главы республики в зависимость от знания или незнания кандидатом на эту должность языка титульной нации республики (Дагестан, Удмуртия).

Республики вынуждены руководствоваться названной статьей федерального закона и приспособлять свое законодательство. Так, до 2023 г. в Конституции Республики Татарстан содержалась норма, согласно которой Президент РТ должен был владеть государственными языками Республики Татарстан, т.е. русским и татарским. В результате принятия Закона о внесении изменений в Конституцию Республики Татарстан (1-ЗРТ от 26 января 2023) г. в Основной закон РТ была внесена поправка, согласно которой Глава (Раис) Республики Татарстан «при осуществлении своих полномочий использует государственные языки Республики Татарстан», т.е. введена ни к чему не обязывающая норма.

Проблема двуязычия в этнофедерациях. В многонациональных этнических федерациях существует проблема сочетания общенационального официального (государственного) языка и официальных языков субъектов федерации, усвоения населением последних обоих языков. В биэтнических федерациях возникает та же проблема, но связанная с использованием языков двух основных этнических групп. Поэтому для этнических федераций актуальна *проблема двуязычия*. Формирование и внедрение двуязычия представляет непростую задачу, которая не была решена в полной мере ни в одной этнической федерации. Так, в Испании, согласно Конституции, «кастильский является официальным

государственным языком. Все испанцы обязаны его знать и имеют право пользоваться им». «Остальные языки Испании являются также официальными в соответствующих автономных Сообществах в соответствии с их Уставами» (ст. 3).

Так, согласно Статуту Каталонии, каталанский язык является официальным языком Каталонии. Также является официальным кастильский язык, являющийся официальным языком испанского государства. Любой человек имеет право использовать оба официальных языка, а граждане Каталонии имеют право и обязаны знать их. Казалось бы, что в Каталонии законодательно стимулируется двуязычие. Однако подтверждается правило: двуязычными становятся в первую очередь носители языка этнолингвистического меньшинства: «все носители каталанского языка говорят по-испански» [Woolard, 2018: 30].

Владение доминантным в стране языком повышает возможности получения высшего образования, нахождения работы, социальной мобильности. Так, опираясь на богатую эмпирическую базу, российские социологи подчеркивают, что для массового сознания характерно представление: «русский язык – прагматически необходимый язык, если ты живёшь и хочешь состояться в профессии и других сферах жизни в России, это средство для получения образования, для саморазвития, язык профессионального и социального роста» [Российская идентичность..., 2022: 245].

Владение региональным языком при его достаточной развитости в благоприятных социальных условиях тоже помогает улучшить личные перспективы. Например, по некоторым оценкам, правда, основанным на переписях 1990-х гг. в Каталонии, вероятность трудоустройства увеличивается на 3–5 процентных пунктов, если люди умеют читать и говорить по-каталански; она увеличивается на 2–6 процентных пунктов при умении писать на каталанском языке [Rendon, 2007: 683–684].

На фоне ниспадающей динамики языков этнических меньшинств под воздействием процессов глобализации важнейшим фактором сохранения и расширения роли этих языков является использование их в региональном государственном управлении. Именно от этого зависит степень распространенности названных языков в публичном пространстве в целом. В Испании на государственной службе в автономных сообществах требуется знание обоих официальных языков – общенационального кастильского и официального языка соответствующего автономного сообщества. При этом это требование является либо всеобщим для всех видов указанной службы, как в Каталонии, либо некоторых из них в зависимости от доли носителей регионального языка, как в Стране Басков [Castillo, López-Basaguren, 2022: 12]. Для сравнения: в республиках в составе Российской Федерации использование в региональном государственном управлении их государственных языков не обязательно. Они заменяются русским языком.

В биэтнических федерациях с двумя официальными языками соотношение между ними носит противоречивый и не равноправный характер и не ведет к полномасштабному двуязычию. Например, немалое напряжение в политической и общественной жизни Канады создает языковая ситуация в связи с внедрением англо-французского двуязычия. В Канаде законодательно закреплено равноправие языков английского и французского. Законы публикуются на обоих языках. Гарантируется двуязычие при предоставлении федеральных услуг, а также право обращаться в органы публичной власти на любом из официальных языков и даже на другом языке, если на это есть значительный спрос. Канадцы вправе получать ответ из органов власти на любом из них. Федеральная власть обязана создавать равные возможности в области занятости в федеральных институтах как для франкофонов, так и для англоязычных граждан, поощрять создание коммун лингвистического меньшинства по всей Канаде [Simeon, Turgeon, 2013: 57]. Канадское правительство принимало специальную программу «Планирование развития канадского двуязычия», предпринимало меры, направленные на повышение роли французского языка. Согласно одной точке зрения, «власти осознали необходимость перехода от официального двуязычия, предполагающего наделение равными языковыми правами, к "двуязычию на практике", предполагающему формирование максимально двуязычной нации» [Куралесина,

2017: 165]. Но полноценного распространения двуязычия по стране не произошло. Рост двуязычия «сигнализирует о позитивных изменениях, однако, проценты довольно низкие и привлекают внимание ко многим людям, которые не являются двуязычными в двуязычной, как предполагается, стране» [Ryan, Sinay, 2020: 312]. Сформировалось по существу одностороннее двуязычие за счет более активного использования франкофонами английского языка. Более того, в Канаде сложились два лингвистических режима: один на федеральном уровне – официальное двуязычие, другой функционирует на провинциальном уровне в Квебеке и тоже официально – одноязычие. Естественно, это создает противоречивую ситуацию, и перспективы ее разрешения пока не просматриваются.

Напряженная ситуация с основными официальными языками сложилась в другой биэтнической федерации – Бельгии. Французский и нидерландский языки не только не олицетворяют двуязычие, но взаимно исключают друг друга. Взаимоисключающий характер двух основных языков Бельгии является отражением взаимоотношений этнических групп – носителей этих языков.

Монолингвизм оказывает серьезное влияние на жизнь бельгийцев. Он пронизывает, например, систему образования. Поскольку последняя относится к компетенции регионов – субъектов федерации, существование субсидируемых правительством школ на французском языке во Фландрии невозможно, как и государственных школ с нидерландским языком обучения – в Валлонии. Это не исключает возможность организации частных школ с обучением на французском языке во Фландрии, и наоборот. Языковая политика Бельгии не направлена на создание двуязычной нации. Билингвальных школ не существует даже в двуязычном регионе Брюссель.

Хотя в Швейцарии национальными считаются четыре языка, примерно 9% граждан используют другие языки. Однако, несмотря на такое многоязычие, в Швейцарии существуют довольно резкие языковые границы, разделяющие кантон: «за исключением ограниченного числа муниципалитетов, официального двуязычия на местном уровне не существует. Швейцария может быть четырехязычной, но в большинстве случаев каждую часть ее территории можно рассматривать как одноязычную»¹.

В республиках в составе Российской Федерации в языковой жизни утвердилось не настоящее двустороннее двуязычие (русско-национальное и национально-русское), а одностороннее национально-русское, когда представитель нерусской этнической группы может общаться и на родном языке, и на русском, а русскоязычный гражданин РФ – только на русском. Существующее в России одностороннее национально-русское двуязычие вследствие нежелания русских в основной массе изучать языки других народов Российской Федерации не дает оснований предъявлять претензии к русскоязычному населению. Необходимо признавать реальность, а она такова, что инструментальная роль языка является решающим фактором для распространения двуязычия. Это подтверждается российской и международной практикой. Русский язык выполняет все необходимые для русскоязычного населения функции.

Справедливо утверждение, касающееся двуязычия в целом: «Двуязычие связано с объемом контактов между различными лингвистическими группами: люди из большой лингвистической группы с меньшей вероятностью становятся двуязычными, в основном оно распространено в малых языковых группах» [Анохина, 2002: 117]. Более реальным двуязычие станет тогда, когда оно является безальтернативным условием для работы, престижной должности, общения в трудовом коллективе, в быту.

* * *

Выделение языка и языковой политики в этнических федерациях в качестве самостоятельного объекта исследования и свойственных им в этой области некоторых общих

¹ Grin F. Language Policy in Multilingual Switzerland: Overview and Recent Developments // Paper presented at the Cicle de confèrencies sobre política lingüística Direcció general de política lingüística Barcelona. 1998. 4 December.

черт не означает игнорирование специфики ее в каждой из таких федераций. Она определяется историческими условиями, этническим составом социума, природой государственного устройства и политической культурой общества. Вот почему опыт ни одной страны не может быть автоматически перенесен на почву другого государства. Строго говоря, ни одно государство не может быть моделью для других. Вместе с тем сказанное не исключает возможность и необходимость заимствования положительного опыта иных стран. Именно это в первую очередь делает актуальными сравнительные исследования разных этнических федераций, в том числе в сфере языка и языковой политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Анохина В.С. Англо-французское двуязычие в современной Канаде // США-Канада. Экономика-политика-культура. 2002. № 11: 111–120. [Anokhina V.S. (2002) English-French bilingualism in modern Canada. *SSHA-Kanada. Ekonomika-politika-kul'tura* [USA-Canada. Economics-politics-culture]. No. 11: 111–120. (In Russ.)]
- Куралесина Е. Новейшие аспекты языковой политики Канады // Древняя и Новая Рومания. 2017. Вып. 12. С. 154–166. [Kuralesina E. (2017) The newest aspects of the language policy of Canada. *Drevnyaa i Novaya Romaniya* [Ancient and New Romania]. Iss. 12: 154–166. (In Russ.)]
- Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика / Отв. ред. И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. [Kuznetsov I.M., Ryzhova C.V. (eds) (2022) *Russian identity and interethnic relations. Public discourse and social practice*. Moscow: FNISTS RAN. (In Russ.)]
- Тишков В.А., Степанов В.В. Введение. Национальные языки и этнокультурное образование в регионах России // Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 4–19. [Tishkov V.A., Stepanov V.V. (2016) Introduction. National languages and ethno-cultural education in the regions of Russia. In: Tishkov V.A., Stepanov V.V. (eds) *Interethnic relations and ethno-cultural education in the regions of Russia*. Moscow: IEA RAN: 4–19. (In Russ.)]
- Adeneyi K., Swenden W.F. (2019) Power-Sharing in the World's Largest Democracy: Informal Consociationalism in India (and Its Decline?) *Swiss Political Science Review*. Vol. 25. Iss. 4: 450–475. DOI: 10.1111/spsr.12360.
- Belser E.M., Mazidi S. (2022) Linguistic Diversity in Switzerland: Going Beyond Territorial Accommodation. *Forum of Federations, Occasional Paper Series*. No. 57: 24.
- Bhattacharyya H. (2019) State Reorganization and Accommodation of Ethno-Territorial Cleavages in India. *Forum of Federations, Occasional Paper Series*. No. 29: 21.
- Castillo A.L., López-Basaguren A. (2022) Minority Languages in Spain: Recognition, Promotion and Some Conflicts. *Forum of Federations, Occasional Paper Series*. No. 62: 22.
- van Drooghenbroeck S., Popelier P. (2022) The Belgian Linguistic Compromise: Between Old Battles and New Challenges. *Forum of Federations, Occasional Paper Series*. No. 55: 19.
- Erk J. (2003) Swiss Federation and Congruence. *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 9. Iss. 2: 50–74. DOI: 10.1080/13537110412331301415.
- Fessha Y.T. (2022) Language Policy in Federal Ethiopia: Too Much or Too Little? *Forum of Federations, Occasional Paper Series*. No. 60: 18.
- Jahn E. (2020) *War and Compromise between Nations and States. Political Issues under Debate*. Vol. 4. Springer.
- Laponce J.A. (1992) Reducing the Tensions Resulting from Language Contacts: Personal or Territorial Solutions. In: *Towards Reconciliation: The Language Issue in Canada in the 1990s. Proceedings of a Conference*. Kingston, Ontario: Institute of Intergovernmental Relations, Queen's University: 125–131.
- Medeiros M., von Schoultz E., Wass H. (2020) Language matters? Antecedents and political consequences of support for bilingualism in Canada and Finland. *Comparative European Politics*. Vol. 18. Iss. 4: 532–559. DOI: 10.1057/s41295-019-00198-x.
- Morris M.A. (2016) *Language Politics of Regional Integration: Cases from the Americas*. New York: Palgrave Macmillan.
- Mowbray J. (2006) Ethnic Minorities and Language Rights: The State, Identity and Culture in International Legal Discourse. *Studies in Ethnicity and Nationalism*. Vol. 6. Iss. 1: 2–29. DOI: 10.1111/j.1754-9469.2006.tb00072.x.
- Phyak P., Awasthi L.D. (2022) Developing and Implementing Multilingual Policy in a Federal Nepal: Opportunities and Challenges. *Forum of Federations, Occasional Paper Series*. No. 54: 20.

- Ryan Th.G., Sinay E. (2020) Canadian Perspective: French Language Learning. *International Journal of Educational Reform* 2020. Vol. 29. Iss. 4: 311–333. DOI: 10.1177/1056787920913245.
- Rendon S. (2007) The Catalan premium: language and employment in Catalonia. *Journal of Population Economy*. Vol. 20. Iss. 3: 669–686. DOI: 10.1007/s00148-005-0048-5.
- Shair-Rosenfield S., Schakel A.H., Niedzwiecki S. et al. (2021) Language difference and regional authority. *Regional & Federal Studies*. Vol. 31. No. 1: 73–97. DOI: 10.1080/13597566.2020.1831476.
- Simeon R., Turgeon L. (2013) Seeking autonomy in a decentralised federation. The case of Quebec. In: *Practising Self-Government: A Comparative Study of Autonomous Regions*. Ed. by Yash Ghai, S. Woodman. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sarangji A., Sharma A. (2022) Language Policy and Federalism in Independent India. *Forum of Federations Occasional Paper Series*. No. 58: 27.
- Smith L. (2008) The Politics of Contemporary Language Policy in Ethiopia. *Journal of Developing Societies*. Vol. 24. Iss. 2: 207–243. DOI: 10.1177/0169796X0802400206.
- Woolard K. (2018) A. Language, Identity, and Politics in Catalonia. *Brown journal of world affairs*. Vol. XXV. Iss. 1: 21–40.

Статья поступила: 09.02.23. Финальная версия: 30.03.23. Принята к публикации: 07.04.23.

FUNCTIONAL FEATURES OF LANGUAGES IN ETHNOFEDERATIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS

FARUKSHIN M.Kh.

Kazan (Volga region) Federal University, Russia

Midkhat Kh. FARUKSHIN, Dr. Sci. (Phil.), Consulting prof., Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia (Midkhat.Farukshin@kpfu.ru).

Abstract. The main thesis in this article is that, along with general functions that languages perform in any unitary or federal state, languages in ethnic federations also perform specific functions determined by the organization and composition of these federations and expressed differently in multinational ethnic federations and in ethnic federations without a national state language, in so-called bi-ethnic federations and federations with three and four regional official languages. The article highlights four specific functions of languages in ethnic federations. Firstly, the ethno-linguistic principle serves as a criterion for the formation of ethnic federation subjects, thus making languages a factor in the territorial division of the latter. Secondly, the languages of ethnic federations are characterized by geographically limited nature of their action creating more obstacles to the mobility of the population and, also, to the formation of a common civil identity. Thirdly, in ethnic federations, knowledge of the official languages of their subjects is often a legally binding or default requirement in staffing government bodies and electing (appointing) officials. Fourth, taking into account the ratio of official languages – national and regional in multinational ethnic federations, as well as the ratio of regional languages of ethnic groups among themselves, – the problem of possible bilingualism emerges.

Keywords: language, mother language, official language, dominant language, language of ethnic groups, ethnic federation, bilingualism monolingualism, national and regional identity.

Received: 09.02.23. Final version: 30.03.23. Accepted: 07.04.23.